

*Посвящается 50-летию
Кавказоведческой Школы
В.Б. Виноградова*

Международная академия информатизации
Общественная академия наук, культуры и образования Кавказа
Кафедра всеобщей и региональной истории АГПА
Кавказоведческая научно-педагогическая школа В. Б. Виноградова

С.Л. Дударев

**К ИЗУЧЕНИЮ СПЕЦИФИКИ ИНТЕГРАТИВНОГО ПРОЦЕССА
У НАРОДОВ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА
И БОЛЬШОЙ РОССИИ В XVIII – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА
(В СВЕТЕ НОВЫХ ПУБЛИКАЦИЙ)**

Научное издание

•

Армавир 2013

УДК 94(470.6)
ББК 63.3(2Р37)
Д 79

**Печатается по решению кафедры
всеобщей и региональной истории АГПА
и семинара Кавказоведческой Школы
В. Б. Виноградова**

Рецензент — д. и. н., профессор Н.Н. Гарунова
(Дагестанский Государственный университет)

Дударев С.Л.

К изучению специфики интегративного процесса у народов Северного Кавказа и Большой России в XVIII – начале XXI века (в свете новых публикаций). — Армавир, 2013. — 56 с.

ISBN 9450000000000

В книге известного историка д. и. н., профессора, зав-кафедрой всеобщей и региональной истории АГПА С.Л. Дударева рассматриваются некоторые новые публикации по региональной истории, которые затрагивают отношения Большой России и Северного Кавказа, как ее неотъемлемой части, в конце XVIII – начале XXI в., особенно проблему интеграции горцев в российское общество и сложности этого процесса. Автор анализирует эти издания с точки зрения исследования в них конфликтогенного потенциала отношений Центра и северокавказских автохтонов на указанном хронологическом отрезке и приходит к выводам относительно причин и способов разрешения конфликтных ситуаций в регионе и их перспектив в ближайшем будущем в контексте социально-политической ситуации в России.

Издание адресовано научным работникам и преподавателям вузов, аспирантам, магистрантам и студентам, а также учителям и преподавателям общеобразовательных учреждений.

На 1-й странице обложки: Торжества по поводу коронации Александра Второго 26 августа (7 сентября) 1856 г. Черкесы в свите царя направляются в Кремль. Неизвестный художник. На 4-й странице обложки: Народы Кавказа. Рис. Х. Ланкенау. 1877.

© С.Л. Дударев, 2013.

ВВЕДЕНИЕ

Где чары южной ночи синей?
Лишь звезд, как выстрелов, не счесть.
Тут начинается Россия.
Или кончается? Бог весть.

Н. Зиновьев.

Дагестан добровольно
в состав России не входил,
и добровольно из нее не выйдет.

Современный афоризм.

Неси же бремя Белых —
Не смея унывать,
Ни злобу, ни гордыню
Не вздумай проявлять;
Доступными словами
Их к делу приобщи,
И для себя в том деле
Ты пользы не ищи...
Неси же бремя Белых —
И пожинай плоды:
Брань злая за заботу,
Забвенья за труды.

Джозеф Редьярд Киплинг

На непроглядный ужас жизни
Открой скорей, открой глаза,
Пока великая гроза
Все не смела в твоей отчизне.

А. Блок.

Основой для настоящей книги послужил доклад автора на семинаре Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова, который состоялся 29 января 2013 г. впервые после смерти его основателя и руководителя коллектива. На этом семинаре, 18-м по счету,

традиционно рассматривались новейшие публикации в области региональной истории, прежде всего, посвященные проблемам интеграции народов Северного Кавказа в состав России, в том числе, историческим особенностям этого процесса, сложностям взаимодействия горцев и российской государственности, причинам конфликтов, возникавших в его ходе. Обсуждение работ историков-кавказоведов, прежде всего, монографии Б.В. Виноградова, В.Б. Виноградова, Ю.Ю. Клычникова «Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI в.» происходило в контексте последних событий, когда в России, в том числе, в ее столице, имели место факты откровенного неуважения по отношению к существующему порядку со стороны некоторых представителей кавказских диаспор, и российское сообщество не увидело решительных действий силовых структур по регулированию возникших инцидентов¹. Все это еще раз заставляет задуматься над характером и особенностями взаимодействия различных частей российского общества с точки зрения его государственного единства, межэтнического сотрудничества и взаимоуважения, а также причин очевидного дисбаланса в этой области, который все более проявляется в современную эпоху. Не случайно, что в конце прошлого года руководство России предложило обсудить «Проект стратегии национальной государственной политики РФ», который затем рассматривался в Центре и на местах. Это обсуждение выявило большой потенциал исторически позитивных отношений между народами России, но одновременно зафиксировало и немало проблем, которые требуют немедленного решения. В ракурсе данного обсуждения ниже будет представлено мнение автора, который, ана-

лизируя работы коллег-историков, стремится обратить внимание на причины обострения обстановки на Северном Кавказе, выявляя их исторические предпосылки, кроющиеся в специфике в целом безусловно прогрессивной интеграции народов в состав единого государства, основы современных социально-политических коллизий в регионе, эхом отдающиеся по всей стране.

- 1 К таковым невозможно причислить уродливые и провокационные действия полиции, которые недавно имели место в Сургуте. Группа представителей правоохранительных органов во время проверки одного из мусульманских кафе Сургута (Ханты-Мансийский автономный округ), угрожая автоматами, заставила нескольких посетителей срезать бороды, сообщил агентству «Интерфакс» председатель национальной автономии таджиков Сургута Файзуло Аминов (http://news.rambler.ru/18039934/?utm_source=regnum&utm_medium=tiser&utm_campaign=main).

**Глава 1. Большая Россия
и народы Северного Кавказа
в конце XVIII – середине XIX в.:
специфика интеграции
и причины конфликта**

Одно из обсуждаемых на сегодняшнем семинаре Кавказоведческой Школы изданий — монография трех авторов Б.В. Виноградова, В.Б. Виноградова, Ю.Ю. Клычникова «Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI в.» (Славянск-на-Кубани: Изд. центр филиала Куб. ГУ, 2012. — 224 с.) входит в число самых актуальных и злободневных исследований среди ряда вышедших в последнее время работ по тематике отношений между Большой Россией и Северным Кавказом, как ее частью. Авторы, опираясь на свои предшествующие монографические исследования, стремятся препарировать причины конфликтных отношений между миром северокавказских горцев и российской государственностью на протяжении последних 200 с небольшим лет, т.е. того исторического промежутка, когда горские общества уже устойчиво находились в орбите Российского государства, окончательно сделавшего свое державное присутствие на Кавказе одним из приоритетов внешней и внутренней политики.

В поле зрения Б.В. Виноградова, В.Б. Виноградова, Ю.Ю. Клычникова находятся ситуации, которые служили непосредственной причиной конфликтов между двумя сторонами. И ключевым блоком оснований для периодически возникавшего противостояния, сопровождавшего процесс неуклонной интеграции ав-

тохтонов Северного Кавказа в состав Российского государства, является несоответствие уровней социально-экономического и политического развития обеих сторон. Именно различное отношение и к своим договорным обязательствам и неодинаковое понимание их в силу нахождения горцев и самодержавной империи на разных стадиях генезиса культурно-цивилизационных и формационных начал, приводило к обострению взаимодействия между фигурантами непростого и временами драматического диалога. В качестве базового момента в конфликтах авторами рассматривается набеговая система горцев. Именно ее они ставят на первый план (следуя здесь за М.М. Блиевым), полагая, что для констатаций ряда национальных историков об экспансионизме, колониализме и т. п. российской стороны нет достаточных оснований. Горская сторона (прежде всего, т. н. «мирные горцы»), в силу особенностей исторического развития, во-первых, не могла удержать членов своих сообществ от вылазок в российские пределы, во-вторых, не видела в этом ничего предосудительного с точки зрения собственных традиций, в-третьих, таким образом, реализовывала свои социопсихологические и ментальные интенции, которые были направлены на самоидентификацию в качестве «мужчины», «джигита», «настоящего горца» и т. п. В этом смысле авторы правы, говоря о том, что горских общинников (пусть даже и находящихся в той или иной форме феодальной зависимости) «не оптимально» именовать крестьянством в силу его несоответствия стандартам европейского и российского средневекового крестьянства [Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., 2012. С. 63]. В самом деле, средневековый европейский крестьянин — это человек, поглощенный сельскохозяйствен-

ным трудом, и в силу этого занимающий низкое положение в социальной иерархии [История крестьянства в Европе. Т. I. — М.: Наука, 1085. С. 117; Дударев, 2008. С. 194, прим. 18]. Что же касается горских общинников, то они носили оружие и участвовали в военных предприятиях, чем радикально отличались от своих европейских собратьев. Ценности горцев отличались явным почитанием «удальства», преклонением перед смелыми и удачливыми воинами. Этим они весьма напоминают германских соплеменников эпохи «военной демократии», описанных Тацитом, чья жизнь, также связанная с производительным трудом, но в еще большей степени, с военными предприятиями, лежала, в перспективе у истоков уклада и привычек рыцарства, которые К. Маркс назвал проявлением «героической лени». При этом горцы, особенно чеченцы, нетерпимо относились не только к власти иноземных феодалов, но и к попыткам своей формирующейся старшинской верхушки чрезмерно возвыситься над собой. Авторы пишут об убийстве разбогатевшего на́иба Шуайб-муллы Центороевского чеченцами [Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., 2012. С. 80–81]. Но это были не просто некие «абстрактные» чеченцы. Они, как нам известно, являлись *родственниками* погибшего на́иба. Некоторые национальные авторы пытаются преподнести этот случай, как некую семейную «разборку» или происшествие². Однако такие же конфликты имели место еще у древних германцев. Знаменитый глава военного союза херусков Арминий, чье могущество породило война, после ухода римлян обнаружил стремление к королевской власти, что восстановило против него нобилитет племени и привело к гибели Арминия от рук его родственников [Неусыхин А.И., 1974. С. 406]. Инте-

ресная аналогия. Любопытно, а остался ли бы у власти (и вообще — жив) Шамиль даже как победитель, уйдя русские с Кавказа? Ведь горцы дали ему громадные, неслыханные ранее полномочия *только потому*, что он долгое время удачно возглавлял сопротивление российским войскам.

В контексте темы небезосновательно вспомнить и о том, что сам способ ведения боевых действий горцами в периоды столкновений с российской армией чаще всего имел партизанский («набеговый») характер, и был основан на внезапности, хитрости, стремительном натиске, что вполне соответствует национальному характеру — взрывному, нетерпеливому, непоседливому (В.Б. Виноградов, бывало, называл это «горством»). Иначе действовали регулярные российские войска, умевшие вести планомерную осаду, подолгу жить в окопах, длительно переносить трудности на маршах, будучи обремененными всевозможными тяжестями (амуницией, артиллерией и т.п.). Даже стереотип питания у горцев был иным. «То количество просяной муки и копченой баранины, которой дагестанцам хватало на две-три недели солдаты съедали за два-три дня» [Лапин В.В., 2008. С. 77]³. Ведение «правильной» войны требовало куда больших энергозатрат.

Ярко показывая проявления «горской экспансии», авторам монографии стоило бы привести и системный комплекс признаков «колониальной полити-

- 2 Подобные вещи — не новость среди темпераментных горцев. Будущий имам Гази-Магомед нечаянно убил, желая подшутить, своего дядю Магомад-Султана, и был изгнан за это в соседний Унцукуль [Карпов Ю.Ю., 2007. С. 458].
- 3 Горцы также любили такие сладости, которые были легко транспортируемы, например кристаллический мед диких пчел. — *Авт.*

ки» российской кавказской администрации. Посмотрим со своей стороны, какие черты политики царской России, реализовывавшиеся на Северном Кавказе, фигурируют в работах национальных авторов? Обратимся для этого к одной из наиболее знаковых страниц противостояния горцев и центральной власти — восстанию шейха (имама) Мансура. Алауди Мусаев в монографии «Шейх Мансур», выпущенной в Москве, в издательстве «Молодая гвардия», в известной серии «Жизнь замечательных людей» в 2007 г. (научными редакторами этой книги являются такие непримиримые критики политики России на Северном Кавказе в дореволюционный период, как д. и. н., профессора Ш.Б. и Я.З. Ахмадовы) приводит слова шейха Мансура: «Враги уничтожают наши жилища, сжигают посевы, убивают стариков, женщин и детей. Они строят на нашей земле крепости, рубят наш лес, чтобы им было легче нападать на нас, разводят свиней, наплевав на наши законы и обычаи. Они хотят загнать нас в горы, чтобы мы вымерли от голода... Мы должны разрушить все вражеские крепости — Кизляр, Владикавказ, Моздок и другие. Если мы не уничтожим их, враг выстроит такие же здесь, на нашей земле. И тогда мы простимся со своей свободой, забудем о гордости...» [Мусаев А., 2007. С. 159].

С одной стороны, знаменитому имаму не откажешь в дальновидности. Прошло время, и у Ханкальского ущелья возник оплот российского присутствия в Чечне — крепость Грозная. Но это было в 1818 г.! До этого времени укрепления, например, Червленский редут и ряд других, находились по Тереку. А на какой же «нашей земле» строил крепости неприятель во времена Мансура? Ведь отряд Пиери, пришедший в Алды захватить имама, был расквартирован вовсе не в Чечне, а

названные Мансуром крепости были за ее пределами. Более того, в тех «соглашениях-договорах», которые заключались в 1760–1780-х гг. карабулакскими, ингушскими и чеченскими обществами, подразумевающих отныне принадлежность «новоприбылых» к числу других «верноподданных» горских народов «сынов одной державы и Отечества», не предусматривалось, тем не менее, никакой русской администрации и войск на их землях, введения повинностей, налогов и т. п. [Виноградов, Дударев, 2008. С. 219]⁴.

Рубка леса, которая действительно была стратегическим методом подчинения Чечни, массово происходила здесь позже, уже в период разгара т. н. Кавказской войны. И с помощью нее войскам не только было проще проникать вглубь территории, но и лишать противника возможности наносить внезапные удары, совершать набеговые акции, и прятаться затем в лесной чаще (как, впрочем, и ныне: на сленге федералов это именуется «зеленкой»)⁵. Мотив разведения свиней — это типичный пропагандистский прием, рассчитанный на негативное воздействие на чувства верующих мусульман, для которых свинья — богопротивное животное. Что же касается обвинений в стремлении «загнать в горы» чеченцев и другие народы, то это, увы, мифологема. Российская власть, напротив, стремилась пере-

4 Впрочем, понятие «наша земля» носит у Мансура несколько двойственный характер. С одной стороны, враги уже строят на «нашей» земле крепости (Кизляр, Владикавказ, Моздок). «Нашей», т. е. кавказской (?). С другой, эти крепости нужно разрушить, что бы они не выросли на «нашей» земле, т. е., видимо, собственно, чеченской (?).

5 Рубка леса наносила большой урон местной экологии. Правда, как отмечает известный специалист, «валили лес не одни русские. Дерево и древесный материал... составляли основной предмет торговли чеченцев и кабардинцев с русскими поселенцами» [Барретт Томас. М., 2000. С. 169–174].

селить горцев на плоскость, для введения административного управления, налаживания мирной жизни и... стабильного контроля над ними (адыги, осетины, ингуши и др.). Разумеется, это была коренная и нелегкая, а нередко и весьма болезненная, ломка прежнего уклада жизни, на которую пошли далеко не все горцы, предпочтя еще более радикальный, драматический вариант исторической судьбы — уход в Османскую империю. Но не эта ли перемена, в то же время, привела, например, к тому, что именно на равнине продолжился процесс консолидации тех или иных групп горских народов (карачаевцев, черкесов, ногайцев, абазин) [Кипкеева З.Б., 2006. С. 313, 359], приведший уже в рамках России и СССР к возникновению наций у автохтонных жителей Северного Кавказа, к интеграции в российское и мировое сообщество, пусть и со всеми трагическими перипетиями и издержками такового. Последние нельзя трактовать как геноцид определенных этносов, ибо «вопрос об их полном уничтожении никогда не ставился» [Кипкеева З.Б., 2008. С. 422].

Что служило причиной для «репрессалий», в ходе которых действительно страдало и незащищенное население? А таковой были именно набеги, которые, в свою очередь, стали реакцией и следствием строительства новых укреплений и казачьих станиц (возводимых, во времена Мансура, в основном, за пределами территорий, заселенных собственно чеченцами). В.В. Лапин отмечает, что «устройство пограничной линии, протянувшейся к 1783 г. от устья Кубани до устья Терека и состоявшей из нескольких десятков укреплений разного класса, было воспринято горцами как вызов. Нападения в поисках добычи, для демонстрации удалства, для мщения за родственников, погибших в предшеству-

ющих стычках, происходили практически ежедневно» [Лапин, В.В., 2008. С. 24]⁶. С одной стороны, функционирование укреплений выводило известное количество земли из системы жизнеобеспечения автохтонов, и становилось символом прямого присутствия чуждой и непривычной власти, с другой — было «приманкой» для охотников за добычей и пленниками. Действия России, в чем, бесспорно, прав В.В. Лапин, деформировали само набеговое пространство. Позднее, с установлением русского владычества в Закавказье, дорога на юг оказалась закрытой, и вся немалая набеговая энергия горцев, прежде уходившая в нападения на Грузию, оказалась направленной в сторону Кавказской линии [Лапин В.В., 2008. С. 74]. Что же касается угрозы отделения царской администрацией «цепью крепостей, кордонов и станиц» Чечни от внешнего мира в конце XVIII в., как о том пишет А. Мусаев [Мусаев А., 2007. С. 121], то она, в то время, была скорее, риторической, чем реальной. В горском фольклоре говорится: «Было счастливое время: / Русские сидели в своих крепостях / За толстыми

6 «Шалости» набегчиков были частыми и весьма неприятными, доставляя немало бед населению крепостей и станиц Линии, но наказание за них довольно часто было неадекватным. Вот как, например, дело обстояло в 10–20-х гг. XIX в. в Чечне. «Власти обрушивали репрессии по принципу круговой поруки. Главные удары сыпались на чеченцев равнинной и предгорной полосы, через земли которых проходили маршруты горской экспансии, пользовавшейся тайной и явной поддержкой реакционной части переселенцев. В итоге густонаселенная и зажиточная плоскостная Чечня оказалась между двух «огней», страдая и от грабительских рейдов своих горных сородичей, и от российских войск, которые преследовали жестокими карами вынудить равнинных вайнахов взять на себя надежное обеспечение безопасности на вновь осваиваемых территориях. Этому противодействовала никогда полностью не исчезающая антироссийская «партия», искусно подогреваемая просками зарубежных врагов русско-вайнахского единства» [Виноградов В.Б., Умаров С.Ц., 1983. С. 12]. Все сказанное крайне накаляло обстановку, и, в конце концов, способствовало восстанию 1840 г. в Чечне.

крепостными стенами, / а в широком поле гуляли черкесы / Что было в поле — принадлежало им» [Аутлева С.Ш., 1973]. Повинности, налагаемые на местное население при постройке крепостей и прокладке дорог, были непривычны для него, и также рассматривались, как покушение на прежние свободы.

Но как бы то ни было, без строительства крепостей, станиц, а впоследствии — возникновения городов, освоение Кавказа Россией (как и какой-то другой страной — вспомним турецкие крепости Анапу, Эски-Копыл, Ени-Копыл и др.) было невозможно. Аргентинский мыслитель Хуан Баутиста Альберди (1810–1884) говорил: «Править — значит заселять!». Крепости и станицы были форпостами российского влияния и державности. Без них и их населения (т.е. без русских, казаков, грузин, армян и др., тех, кого, в перспективе стали называть русскоязычными) о возникновении и сохранении такого феномена как Российский Северный Кавказ со всеми последствиями такового: развитием социокультурных связей между горцами и их пришлыми соседями, выхода на новый уровень производительных сил, просвещения и т.д., нечего и говорить [Пылков О.С., 2011].

Нынешняя же стойкая и необратимая на сегодняшний день дерусификация субъектов Северного Кавказа (при сохранении в них декларативной «пророссийскости» и внешней лояльности, декорированной портретами Путина и Медведева) — это путь к утрате страной нашего региона и препятствие на пути его модернизации [Захаров, Арешев, 2010. С. 116–117; Наниев, 2011. С. 6–11; Суций, 2010. С. 145; Матишов, Батиев, Пашенко, Романов, 2011. С. 27], так как именно русские и «русскоязычные» (наиболее образованная и квалифи-

цированная часть населения региона), адаптированные в местную этнокультурную и языковую среду, самым тесным образом, напрямую связывали (и пока еще частично связывают) Северный Кавказ и Центр.

И, возвращаясь к движению Мансура, нужно сказать, что здесь мы сталкиваемся с ярким феноменом того, что красной нитью проходит через всю историю Северного Кавказа до наших дней, а именно — стремлением чеченцев к доминированию, гегемонии⁷ в регионе, который они считают в целом «своим» и всякое появление здесь иных политических сил рассматривают как экспансию и агрессию⁸. Именно их действия в начале восстания шейха Мансура и оказались «ответом на вызов» (вспомним А. Тойнби) со стороны России. Современность дает яркие параллели с историей. Аналитик из Ростова-на-Дону С.Я. Суций указывает: «Внешней макрорегиональной проекцией местного этнорадикализма является северокавказский **чеченский «импери-**

7 Об этом свидетельствует и характерное чеченское изречение, бытующее не менее двухсот лет: «Мир наш, кто кроме нас, на свете?» (Дуне вайн деци — чеч.), известное еще из работы У. Лаудаева «Чеченское племя», и приводимое в трудах Ю.Ю. Клычникова, Б.В. Виноградова и др.

8 Любопытна трактовка восстания Мансура французским автором русского происхождения В. Гудаковым: «Движение Мансура было направлено против русского продвижения на Кавказ и носило характер «священной войны» против неверных, т.е. было межэтнической войной с религиозной окраской. **В зонах действия Мансура: в Чечне, Дагестане, в Западном Кавказе, русского правления не было** (выделено нами. — *Авт.*). Зато были попытки распространить российское влияние на горские этносферы. Вот как раз против этих попыток и выступил Мансур... «Священная война» Мансура, как, впрочем, и вся Кавказская война, была порождением **реального конфликта между кавказским суперэтническим стереотипом поведения и российским** (выделено нами. — *Авт.*). Ушурма был первым, кто осознал, почувствовал основательность внедрения ислама не только на Северо-Восточном Кавказе, но и на Западном Кавказе, первым придал поискам горцев своей идентичности в нараставшем конфликте с Россией исламскую окраску» [Гудаков В.В., 2007. С. 355–356].

ализм» (выделено нами. — *Авт.*). В силу ряда обстоятельств и характеристик (численность, «пассионарность, отчетливое осознание своей региональной и этнической самобытности) чеченцы являются ведущим региональным народом по уровню распространения внутри национального сообщества интеграционных «сеveroкавказских» идей с различным конкретным наполнением (от нового вайнахского объединения до какого-либо варианта Северокавказской Федерации). Впрочем, в максимально сегментированном, раздробленном национальном макрорегионе любая практическая попытка интеграции через доминанту одного из местных народов будет иметь гораздо больше противников, чем союзников (последних может вообще не оказаться за пределами национального сообщества, претендующего на роль интегратора). Отчетливой иллюстрацией этого, например, была жесткая отрицательная реакция дагестанцев на имевший в т.ч. «интернациональные» цели приход в республику чеченских боевиков летом 1999 г. [Суций С.Я., 2010. С. 92–93, прим. 39]⁹.

Не подобная ли подошла угадывалась в Дагестане в призывах шейха Мансура? Турецкие источники опровергали факт примыкания Умма Хана Аварского к шейху Мансуру. Дагестанский историк Г. Алкадари также писал о том, что видные феодалы Дагестана (тот же Умма Хан, Шамхал Тарковский, Ханы Кюринские и Казы-Кумухские отказались присоединиться к шейху Мансуру и даже запретили своим людям отправляться под его знамена [Беннигсен А., 1994, с.56]. Просьба Мансура о помощи в Дагестане «во всех местах находит отказ». Причем, здесь видится не только инициатива феодалов, на которых Мансур обрушивался в письме к Великому Вазису Османской империи [Беннигсен

А., 1994, с.67]. «Даже трудно поверить, что такое могло случиться, — с удивлением писал видный кавказовед, дагестановед, проф. В.Г. Гаджиев в предисловии к публикации работы А. Беннингсена — Ведь жители Чечни и Дагестана, издревле проживая бок о бок, во всякие трудные времена и особенно когда они подвергались иноземным нашествиям, всегда поддерживали друг друга. И не раз с оружием в руках защищали свою свободу и независимость. Почему же в таком случае в конце XVIII в. произошло несвойственное и необычное явление» [Беннингсен А., 1994. С. 32]. Факты, тем не менее, говорят сами за себя. Феодалы Дагестана, как и кабардинская верхушка не стремились оказаться подвластными в имамате Мансура, на что справедливо указал и Б.В. Виноградов [Виноградов Б.В., 2010. С. 118]. Феодалы, впрочем, одновременно хорошо понимали и большую силу Российского государства⁹.

Продолжая разработки, начатые ранее Б.В. Виноградовым [Виноградов Б.В., 2009], авторы приходят к обоснованному выводу, что политика «ласканий», которую проводила Россия на протяжении нескольких десятилетий (особенно при генерале Н.Ф. Ртищеве, когда, например, в горы отправлялись многие центнеры мед-

9 В этом свете «примечательна военная иерархическая лестница ваххабитов, где высшие ступени отводились исключительно чеченцам. А дагестанские парни, похоже, должны были выполнять всю грязную и кровавую работу. И уже одним этим им давали понять, что в «кавказской семье» ваххабитов «жених» — Чечня, а Дагестан — «невеста». А женщина должна знать свое место» [Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала. <http://militera.lib.ru/memo/russian/troshev/05.html#>].

10 «Ты предлагаешь мне и дагестанскому народу, — писал Ушурме аварский Умма Хан, — чтобы, подобно населению подчиняющихся тебе чеченских районов, и отсюда народы пошли сражаться... с русскими... Но известно, что подобные действия перед Русской державой не достигнут цели и станут причиной гибели для дагестанцев. Поэтому в твоём деле я не могу тебе быть союзником» [Алкадари Г., 1926. С.113–114].

ных денег для задабривания наездников; это ничего не напоминает уважаемому читателю?) к середине второго десятилетия XIX в. большей частью зашла в тупик ([Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., 2012. С. 50–55]. Наиболее актуально сегодня звучит вывод авторов о том, что ртищевская схема «прав без обязанностей» в подданстве чеченцев России, отражала чаяния последних и, по сути дела, работала на дезинтеграцию. И снова обратимся к выводам С.Я. Суцего. «При всей своей проблемности Северный Кавказ в «лице» подавляющей части своего населения является «пророссийским» — в том смысле, что 90–95 % представителей всех его национальных сообществ, включая чеченское, понимают, что нахождение в составе РФ, лучший (из реально существующих) вариант исторического развития их республик в современном мире» [Суций С.Я., 2010. С. 200]¹¹. Только эта «пророссийскость» столь же прагматического, точнее, потребительского свойства, и имеет, как видим, глубокие исторические корни, и является основой для того будущего явления, которой московскими аналитиками В.А. Захаровым и А.Г. Аршевым резко именуется «этноэкономическим паразитизмом» [Захаров В.А., Аршев А.Г., 2010. С. 145]. Подобное «потребительство» некоторые историки-кавказоведы связывают с прагматическим подходом к ориентации на России и называют «браком по расчету». Не можем с ними в известной мере не согласиться. В то же время, было бы неверно полагать, что всегда побеждал один меркантильный интерес. Как будет указано ниже, во время великих перипетий XX в. в России и Советском Союзе, когда под вопросом находилась само существование государственности, народы Северного Кавказа продемонстрировали четкий пророссийский вектор.

И одним голым расчетом или теорией «наименьшего зла» это объяснить невозможно.

Ш.А. Гапуров в одной из своих статей, специально посвященных горско-казачьим набегам, пришел к выводу, что «социальное явление, известное под названием «горские набеги», во второй половине XVIII – первой трети XIX в. было явлением неоднозначным и преимущественно представляло собой проявление освободительной борьбы горцев в форме партизанских действий [Гапуров, 2006. С. 214]. Авторы рассматриваемой нами монографии показывают, что целью набегов была добыча, прежде всего, захват людей в плен, для дальнейшей их продажи, обмена на пленных горцев, либо применения в хозяйстве. Особенно наглядно это продемонстрировано в предшествующей данной монографии работе Ю.Ю. Клычникова и А.А. Цыбулькиной, которая достойна самого пристального внимания и одобрения за основательный подход к материалу и свежие взгляды, особенно в гендерном ракурсе темы, где со статистическими выкладками в руках авторы приводят выборку достаточно выразительных данных, гово-

11 И этот тезис вполне подтверждается новейшими социологическими опросами Фонда общественного мнения (ФОМ). Граждане Дагестана, Адыгеи и ряда других национальных субъектов называют себя самыми счастливыми. Процент таких граждан, например, в Дагестане составляет 85. Даже в Москве он ниже — 81. В целом счастливы молодые люди, руководители, люди с высоким уровнем доходов (более 35 тыс. руб.), специалисты с высшим образованием [АИФ. 2013а. С. 4]. Такое заключение парадоксально контрастирует с ситуацией в Дагестане, даваемой экспертами [<http://svpressa.ru/society/article/58246/> Юлия Латынина: «Ситуация на Кавказе развивается по образцу Сомали»], так и данными других соцопросов, согласно которым единственным рецептом решения многочисленных социальных проблем является исламизация и шариатизация общества по образцу развитых султанатов Ближнего Востока [<http://bs-kavkaz.org/2011/10/chechnja-ne-bahrejnona-luchshe-bahrejna/>].

рящих о том, что в набегах кроме грабежа¹² преследовалась цель не только уничтожения вооруженной живой силы противника и захвата военнопленных («среди убитых и раненных преобладали мужчины боеспособного и пожилого возраста»), а порабощения гражданских лиц («среди плененных были практически только дети до 12 лет и женщины всех возрастов»; «дети до 12 лет составляли приблизительно 50–60% от всего количества плененных, так являлись наиболее «удобными» рабами») [Клычников, Цыбульникова, 2011. С. 128]. В новой монографии А.А. Цыбульниковой данный вывод получил подтверждение в заключении автора о том, что одной из главных целей нападения горцев был захват «живого товара», поэтому 94 % женщин, пострадавших с конца XVIII и вплоть до окончания т.н. Кавказской войны на Кубани от агрессии закубанцев, стали пленницами [Цыбульникова А.А., 2012. С. 133]. Крайне примечательно, что реликты такой работорговли вновь реанимировались в новых исторических условиях распада СССР и возникновения новой России, во время «чеченских войн» и роста нестабильности в соседних с ней республиках. Само по себе это говорит о том, что, несмотря на внешне нивелирующее воздействие структур самодержавной России, а затем и СССР, те некоторые составляющие «кода» развития, который был имманентно присущ местной этно-социальной среде, но деформирован и скрыт в реалиях новой эпохи (проявляясь в эксплуатации бомжей из Центра в горных районах Чечено-Ингушетии [Дударев, 2008. С. 196]), вышли на поверхность и начали своеобразно реализовываться в условиях реанимации архаических форм социального быта с начала 1990-х гг. в виде похищения людей и увода их в Чечню и другие районы Кавказа.

Авторы подчеркивают, что с распространением мюридизма [Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., 2012. С. 63] «набеговые войны» не только получили свое оправдание, но и был дан *модернизационный импульс*, который должен был изнутри преобразовать горское общество. И в этом отношении большую роль сыграл сильный толчок извне, все тот же «ответ на вызов» со стороны России¹³. В статье, представленной Ю.Ю. Клычковым по итогам его доклада на семинаре Кавказоведческой Школы от 29.01.13, и развивающем положении рассматриваемой монографии, говорится:

«Кавказ нуждался в модернизации, один из вариантов которой (условно назовем его европейско-христианский) стала воплощать в жизнь Российская империя. Одновременно в недрах горских обществ возникла альтернатива этому проекту. Ею стал восточно-исламский, в виде мюридистского теократического «государства» проект, который наиболее полно нашел отражение в имамате Шамиля. При всей антагонистичности эти два проекта работали в одном направлении — они ломали традиционные устои патриархальности и рушили горский изоляционизм, приучая к правилам жизни в условиях государственности».

12 Интересно замечание В.В. Лапина, что самым яростным нападениям горцев подвергались замыкающие подразделения, поскольку в традиционной «набеговой войне» они мешали преследователям вернуть награбленное добро. Указанный способ ведения боевых действий был перенят и регулярной армией, что указывает на известный феномен «окавказивания» российских войск.

13 Об этом нам уже приходилось писать ранее: Основные этапы всемирной истории. Учебное пособие /Под ред. В. Б. Виноградова и С.Л. Дударева. — Армавир, 2009. — С. 87.

В этом смысле можно привести авторам и мнение А.Т. Урушадзе, который сравнивает модернизацию по турецкому образцу («танзимат») и по образцу горскому, «шамилевскому». Если первый был направлен, в конечном счете, на вестернизацию, то горский (горско-кавказский) не имел такой цели, имея в основе глубоко исламские ценности [Урушадзе А.Т., 2010. С. 10–12]. «Модернизация» Шамиля, была, условно говоря «шариатской». И примеры из современности говорят о том, что опора на религию ислама дает поразительные результаты. В Иране существует государство, где теократические тенденции очень сильны. Казалось бы, это основа для роста самого неприкрытого консерватизма, граничащего с мракобесием, во всех сферах (и тому примеры в Иране есть — в этой стране, было, запретили играть в шахматы!). Тем не менее, Иран находится на 12-м месте в мире по нанотехнологиям! (а на каком Россия?). Другое дело, каковы были перспективы у горской модернизации, если бы самодержавная власть не смогла одержать победу над имаматом. Это принципиальный вопрос. Сейчас, когда шариатские ценности и «чистый ислам» лавинообразно распространяются в тех же Дагестане и Чечне (наряду с ростом клановости), там наблюдается масштабный рост социокультурной архаики, по сути демодернизация [Матишов, Батиев, Пащенко, Романов, 2011. С. 27], которая выражается «и в реанимации разбойно-набегового» промысла, который в глубоко модифицированной, приспособленной к современным реалиям форме, вернулся в социальную практику Чечни в конце XX в.» [Суций С.Я., 2010. С. 68, 102]. Очень важен исторический контекст преобразований, которые вели по пути успешного соперничества с Западом, Европой (а также Большой Россией). И

Турция и, особенно, Иран являются странами с давними традициями государственности, с наличием, если угодно, «социального гена», который позволяет более терпимо относиться к восприятию усилий центральной власти по укреплению порядка, тем или иным преобразованиям и т. п. (что, конечно, не исключает мощных народных восстаний, каковых было немало на Востоке). В Дагестане, и уж тем более, в Чечне, основы для возникновения государственности, в условиях недостаточной развитости феодальных отношений, а то и вовсе их слабости, были несравнимы с обществами Ближнего Востока, для чего потребовался внешний фактор.

Имамату приходилось вести достаточно широкие репрессии против населения для утверждения шариата, как основы порядка, о чем верно пишут и авторы рассматриваемой монографии¹⁴. Тем не менее, некоторые дагестанские авторы утверждают, что имамат представлял собой «гражданское общество» [Джантуханов, Джантуханова, 2009. С. 111–113; Магомедов М.Б., 2009. С. 185–187]. Но ведь «в подлинно гражданском обществе роль государства сводится, главным образом, к созданию и поддержанию условий, способствующих соблюдению прав и свобод человека и гражданина. Государство не должно подавлять инициативу и самостоятельность своих граждан» [Лебедева Т.П., 2007. С. 107]. Вряд ли приходится говорить о «правах и свободах человека и гражданина» в феодально-теократическом государстве Шамиля [Ибрагимбейли Х.-М., 1989. С. 19]. Шариатская реформа именуется некоторыми авторами «горской Реформацией» [Северный Кавказ в

14 Наиболее ярко об этом свидетельствует один из сподвижников имама Шамиля [См.: Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи. 1941].

составе Российской империи. 2007. С. 95; Карпов Ю.Ю., 2007. С. 377]. И если, в самом деле, сравнивать шариатскую политику Шамиля с деятельностью европейских протестантов, особенно кальвинистов, то таковые параллели имеются. Особенно в том, что можно именовать *дисциплинизацией*, в том числе, борьбе с народной культурой. Авторы интересующего нас труда приводят примеры борьбы в имамате с табакокурением, употреблением алкоголя и танцами [Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., 2012. С. 77]. Причина этих гонений в том, что «вся жизнь подчиненных имаму людей была посвящена служению беспощадному Молоху войны» [Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., 2012. С. 78]. Светские развлечения преследовались и в Женеве во времена Жана Кальвина. Но такие гонения преследовали другую конечную цель: максимальную концентрацию не столь обильных денежных средств в руках тех, кто осуществлял трудное первоначальное накопление капитала, послужившее для прорыва на *новую стадию развития*. Что же касается политического устройства Женевы, то оно, как показывает одно из новейших исследований, способствовало выработке сложной системы противовесов и компромиссов, которые не давали, в перспективе, возможности создать монархическое, абсолютистское устройство. Статус же Кальвина, который, при всем том, наилучшей формой правления считал теократию (!) крайне напоминает нам статус имама в исламе. Его влияние в Женеве было основано на большом авторитете проповедника и пастора [Власенко, 2011. С. 22, 28]¹⁵. Вот почему нельзя согласиться с коллегами в том, что турки дали шейху Мансуру «титул» имама [Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., 2012. С. 26]. В исла-

ме нет института священства, и имām (от глагола амма — «стоять впереди») — это не сан и не профессия (а также не титул). Сунниты и шииты называют имāmом человека, руководящего в мечети молитвой, предстоящего на молитве, управляющего молитвенным обрядом [Ньюби Г., 2007. С. 120]. Все те же сунниты считают имама уполномоченным общины, который избирается всей общиной, а практически — ее представителями или назначается предшественником [Карпов Ю.Ю., 2007. С. 382]. При всем том, власть Шамиля в имамате развивалась, увы, вовсе не в традициях «гражданского общества», а по пути деспотизма. И преследования народной культуры приобретали все более дегуманистический смысл, утверждая жесткую маскулинность шариатских установлений¹⁶. Как мы отметили в рецензии на недавнее учебное пособие по истории Северного Кавказа, все же «излишне увлекаться параллелями с Европой, и тем более, опираться на них как на некий показатель прогрессивного развития горских обществ первой половины — середины XIX в., не стоит. Ведь по-

15 На протяжении большей части своей жизни в Женеве Кальвин даже не был ее гражданином!

16 Чеченский этнограф С.-М.А. Хасиев в одной из своих работ начала 1980-х годов передавал сохранившийся в памяти народа случай, когда имам Шамиль уничтожил в Чечне целое село с женщинами, стариками и детьми за то, что в этом селе продолжали придерживаться традиционного института ухаживания, когда парень и девушка как бы невзначай встречались у родника. Этот институт Шамиль «квалифицировал, как распутство, противное шариатским постановлениям, и жестоко преследовал его [Хасиев, 1982. С. 40–41]. В современном мусульманском мире (Саудовская Аравия, Иран) шариатская практика включает в себя казни «ведьм» <http://news.rambler.ru/12123403/Ю>, наказание плетьюми и побивание камнями <http://mama.ru/static/view/id/672>. Это является реальным возвратом в средневековье в социально-бытовой сфере, которое (см. выше) причудливо сочетается с высококлассным хайтэком. Может быть, это и есть реальная «модернизация» исламского мира в действии?

беда юридистско-шариатского движения привела бы не только к независимости от России, но и к еще большему отставанию от модернизационных процессов в мире¹⁷. Ибо, как блестяще подметил В.В. Дегоев, «консолидирующим началом в имамате служила не «антиколониальная идеология», а деспотическая власть Шамиля и «крестовые походы» против нечестивых, обещавшие успокоение души в раю и безбедное существование на земле» (курсив наш. — Авт.) [Дегоев В.В., 2001. С. 100]. В то же время, нельзя не принимать во внимание существующее стойкое убеждение в Дагестане в том, что имамат Шамиля был системообразующей основой для дальнейшего становления дагестанской идентичности [Дибиров А.-Н.З., 2012а].

17 Более 20-ти лет назад по этому поводу прозвучала весьма справедливая мысль: «То или иное социальное движение (например, движение горцев под руководством Шамиля), если рассматривать его как замкнутый самодовлеющий процесс, представляет собой определенный прогресс в рамках конкретного региона (завершение процесса феодализации горских обществ, рождение раннефеодальной государственности — имамата), но в рамках глобальной системы оказывается явлением, усиливающим в обществе замкнутость, осложняющим и задерживающим новый необходимый и неизбежный «формационный переход» [Айларова С.А., Виноградов В.Б., 1987. С. 133–134].

**Глава 2. Особенности интеграции горцев
в социально-политическое
поле России
во второй половине XIX –
начале XXI века.
Миграция с Северного Кавказа
в Большую Россию:
вызов новых поколений**

Дальнейшее повествование авторов об-суждаемой монографии — от причин восстания 1877 г. в Чечне и Дагестане до современности — также проходит под лейтмотивом большого дестабилизирующего влияния проявлений «набегового уклада» и его ценностей на мотивы действий автохтонного населения Северного Кавказа в тех или иных исторических ситуациях (аб-речество начала XX в., политический и обычный банди-тизм 1920–1940-х гг., возрождение «набегов» в конце XX в. и т. д.), а также неготовность сразу после оконча-тельного присоединения к Российскому государству жить по новым законам и правилам. Авторы правы в том, что институты, связанные с «набеговой системой» не могли быть полностью нейтрализованы в горской среде в исторически короткий срок. Они обращают вни-мание на то, что потомки комбатантов эпохи «Кавказ-ской войны» наиболее успешно реализовывали себя в российской системе, прежде всего, на военной службе [Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., 2012. С. 146]. В немалой степени это так. Даже в Север-ной Осетии, население которой не участвовало в воен-

ных действиях против российских войск, до 1914 г. выросла, преимущественно, военная интеллигенция, которая составляла мощный отряд: 150 генералов и 3000 офицеров¹⁸. Тем не менее, эта маленькая республика (оперируя нынешними понятиями) еще до революции дала одного из первых в стране революционеров-народников А. Ардасенова, поэта К. Хетагурова, философа А. Гассиева и др. И об этом ни в коем случае нельзя забывать, анализируя факты по отдельным народам (и в работе следовало бы отчетливее показать их), а иначе выйдет, что имидж горцев был почти исключительно негативным, что будет по отношению к ним явной несправедливостью. Ведь в борьбе против имамата Шамиля приняло участие значительное количество горцев — представителей различных народов Кавказа. Им, выходит, «набеговый комплекс» еще раньше не мешал служить России? Другое дело, что должна выявиться закономерность (в которую мы верим а priori, и желаем авторам ее обнаружить в их новых изысканиях), что национальная интеллигенция, верой и правдой служившей Российскому государству еще до 1917 г., быстрее формировалась в тех районах Северного Кавказа, которые не участвовали в т. н. «Кавказской войне», т. е. решительно выбрали свою историческую судьбу в рамках новой Родины (по крайней мере, данные по Осетии решительно подтверждают эту идею). Упущен в работе материал по адыгам в революционный и советский периоды. А ведь немало их представителей находилось на службе у государства в самодержавный период, а в Гражданской войне черкесы, де-факто выступили на стороне монархических сил. Показательно то, что после победы большевиков вектор симпатий адыгов изменился (события Великой Отечественной войны), поскольку они виде-

ли смысл в политической лояльности сильной власти [Рябцев, 2012. С. 61–62]. В целом, автохтонное население региона обнаружило, в целом, пророссийский (просоветский) вектор симпатий и во время Гражданской, и в период Великой Отечественной войны [Дегоев В.В., Ибрагимов Р.Ю., 2007]. И это было, несомненно, проявлением сложившейся «российскости», при всех изломах, драмах, а даже трагедиях XIX–XX вв. И пережитки «набегового комплекса» вновь этому не помешали. Почему? Об этом стоит поговорить отдельно.

Внимательнее следует авторам отнестись и к тем особенностям политики Российского государства на Северном Кавказе, которые вели к обострению ситуации и конфликтам с горцами (непонимание их культурных особенностей, менталитета, традиций, специфики социальной ситуации в горской среде и т.п.). Об этом в монографии говорится довольно бегло, создается впечатление, что у политики России, а затем и СССР, в регионе были одни плюсы, а минусов почти не было, что не соответствует действительности. Впрочем, мы не совсем правы, говоря так. Авторы упрекнули, практически в духе С.С. Лазаряна [Лазарян С.С., 2009; Лики российскости. 2010], российскую власть эпохи самодержавия в том, что она «в целом трепетно относившаяся к горской самобытности, предпочитала без нужды не вмешиваться в образ жизни автохтонов, ограничиваясь в основном запретом наиболее одиозных проявлений «буйной вольности», таких как хищничество и пленопродавство. В итоге были законсервированы черты, которые не позволяли процессам модернизации проникнуть в их замкнутый мир... Все это замедляло процесс размыwania традицио-

нализма, получавшего искусственное конкурентное преимущество» [Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., 2012. С. 98]. Анализируя вклад Российского государства в обустройство Северного Кавказа, что весьма впечатляющего показано в целой серии монографий В.А. Матвеева [Матвеев В.А., 2006, 2008, 2010, 2011, 2012], невозможно устраниваться от анализа промахов и ошибок Центра в дореволюционный и советский периоды, и критиковать только его современные просчеты. В то же время, и нынешний строй, при всех его пороках, является благом и образцом порядка по сравнению с теми «моделями» государственного устройства, которые были приведены в действие в регионе в период правления Дудаева и Масхадова в Чечне.

Авторам удалось довольно выпукло показать корни современных негативных явлений в современном социальном быту северокавказцев, о чем еще будет сказано ниже. И в этом их заметное достижение, поскольку до них (включая монографию Ю.Ю. Клычникова и С. И. Линца) [Клычников Ю.Ю. и Линец С. И., 2006] мало кто отваживался даже в наше «демократическое» время осветить этот очень острый «конфликтный» материал. Знать о нем, несомненно, необходимо. В то же время он не должен заслонять другие стороны исторической действительности автохтонов Северного Кавказа.

Подводя итоги сказанного, нужно, прежде всего, поставить следующий вопрос. В упоминавшемся выше учебном пособии [Северный Кавказ в составе Российской империи. 2007] красной нитью проводится идея завоевания Северного Кавказа Россией [Дударев С.Л., 2008а. С. 66]. Она находит себе немало сторонников, особенно среди национальных историков. Но при этом нередко звучит парадоксальное утверждение о том, что последс-

твия присоединения Северного Кавказа к России были положительными и прогрессивными. По видимому, ревнителям «завоевательности» следует более внимательно подумать над логикой в данном вопросе. Да, интеграция Северного Кавказа в большую Россию была процессом нелегким, полным противоречий и драматических перипетий, но принесшим, в конечном счете, блага автохтонным народам. *И вот эта посылка должна и лежать в основе всей научной и воспитательной работы в вузах Северного Кавказа.* Она позволяет обратиться к сегодняшней ситуации на Северном Кавказе.

Ей сегодня посвящено немало исследований, среди которых следует особо выделить мощную серию «Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков юга России». Особо выделим том V «Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. Специальный выпуск» [Матишов, Батиев, Пащенко, Романов, 2011]. Очень репрезентативно охарактеризованный там обширный пласт ярких и выразительных материалов, опирающихся на глубокие и разносторонне исследования специалистов, говорят о той драматической, критической, если не сказать более, ситуации в регионе. Действительность Северного Кавказа полна очень острых противоречий, чреватых самыми тяжелыми осложнениями. Это подтверждает и другое чрезвычайно важное исследование, уже упоминавшееся выше, С.Я. Сущего. Оно конкретно заострено на материалы, связанные с деятельностью экстремистских сил на Северном Кавказе. Работа Сущего убедительно показывает не только наличие сильного конфликтогенного потенциала в восточных районах Северного Кавказа, который тесно связан с историческими реалиями, исследуемыми Б.В. Виноградовым, В. Б. Виноградовым, Ю.Ю. Клычниковым, и опи-

рается на достаточно обширные людские ресурсы. Она наглядно выявляет как необходимость комплексного изменения социально-экономической ситуации, в т. ч. модернизации местного этнокультурного пространства, так и объективные трудности, делающие реализацию такой задачи крайне трудно и долго выполнимой [Суций С. Я., 2010]. Вопрос в том, есть ли у России так много времени на длительную реализацию преобразования северокавказских социумов, которые в условиях развала СССР и ликвидации коммунистической идеологии и всей системы присущих ей регуляторов (особенно идеологических), пошли по пути реставрации архаических форм социального быта, культуры, сознания? Тем более, с учетом исторической специфики их развития. Сколько еще русское большинство страны сможет вынести свое «историческое бремя», «бремя российскости»? [Дударев С. Л., 2012. С. 96–102]. Все более громко звучащие призывы типа: «Хватит кормить Кавказ!» (на одного жителя Кавказа российский бюджет тратит в шесть раз больше, чем на среднестатистического россиянина; госдотации несоразмерны численности населения региона) [Матишов, Батиев, Пащенко, Романов, 2011. С. 36] вкупе с тем, что положительная динамика ситуации в регионе имеет слишком длительную, и, пожалуй, неясную перспективу, указывают на рост массы критических настроений русской аудитории¹⁹.

Та поддержка террористического подполья, которая реально существует во всех трех указанных республиках, и насчитывает, вместе с пособниками и сочувствующими, десятки (если не сотни) тысяч людей, заставляет вспомнить вывод Ю. Ю. Карпова, который несколько лет назад заявил: «Для каждого из подобных обостренных ситуаций в регионе (речь идет о **циклической** це-

пи событий на Северо-Восточном Кавказе с конца «Кавказской войны» и до событий гражданской войны и антиправительственных выступлений 1930-х гг. — *Авт.*) имелись политические, экономические, социальные и религиозные причины. Но за ними виден и фактор другого порядка: каждое новое поколение, вступающее в социально-активный возраст, критически выражало свое отношение в одних случаях к не вполне благополучной, в других — к откровенно сложной и противоречивой действительности, и такая критичность обретала соответствующее выражение. Политическую, религиозную, военную активность горской молодежи с некоторой поправкой на местные реалии можно соотносить с традиционными механизмами регулирования конфликтов между поколениями» [Карпов Ю.Ю. 2007. С. 327. Прим. 55]. На подобный же «циклизм» справедливо указывает в интереснейшей статье и профессор А.-Н. З. Дибиров, ректор Дагестанского института экономики и политики, указывая на ведущую роль молодежи в организации набегов, гарантировавших регулирующую социальную мобильность, служивших социализации юношества, подпитывавших существующую идеологию. Это великолепно понимали имамы Дагестана, призывая молодежь, стремившуюся подтвердить собственную идентичность

19 См. новейшие данные на эту тему в статье «Кавказ закармили?» // АИФ. 2013. С. 14. Приведем лишь такую цитату: «В общем, Северный Кавказ обходится остальной России в 320–360 млрд. руб. ежегодно. Это позволяет части жителей не слишком напрягаться (официально безработными числятся 19,7% трудоспособных граждан), а другой — перенаправлять финансовые потоки в иные русла и благополучно богатеть». Подобные вливания представляются части аналитиков некоей контрибуцией за поражение, понесенное в двух «чеченских войнах» [Суций С.Я., 2010. С. 73], либо средством замораживания («ледяные деньги») кавказских проблем. В то же время, ответная лояльность федеральному центру может быть ничем иным, как историческим «таймаутом», взятым для консолидации сил, после потерь 1990-х.

на каждом историческом этапе, следовать за ними²⁰. Именно новые поколения молодежи были застрельщиками восстания против Надир-шаха, активными сподвижниками Умма Хана и участниками движения мюридов, восстания 1877–1878 гг., революции и гражданской войны [Дибиров А.Н.З., 2012. С. 49]. Весь вопрос в том — кого и куда заведут такие конфликты теперь, на новом витке исторического развития, и где ждать нового всплеска «самоутверждения» и «самоидентификации» нынешних «кентов»?²¹ В местном контексте ответ на этот вопрос очевиден. Сейчас в регионе (как и в стране в целом) нет реальной идеологической альтернативы этноцентризму, сепаратизму, проявлениям межнациональных трений и противоречий. Самодержавная система (при всех ее недостатках) дала лозунг «Единого Отечества», советская, которую некоторые современные труженики писательского цеха называют «огромным злом» [АИФ. 2013б. С. 13], создавала «новую историческую общность людей — советский народ». А что же нынешняя власть? На Северном Кавказе мы видим сегодня в субъектах объединение под флагом этноцентризма и религии (ислама, причем в его т.н. «чистой» форме), а к гражданам России многие представители автохтонного населения (особенно в Чечне) не спешат себя причислять [Суций С.Я., 2010. С. 86–88].

И хотя данные различных опросов, проводившиеся в России в течение последних двадцати лет, убедительно говорят о том, что 95% опрошенных определяя свою идентичность, идентифицировали себя как «граждане России», а почти полное совпадение понятия и государственно-гражданской и этнической идентичности (95% и 90%) [Дробижева Л.М., 2012. С. 55, 58] дает хорошее основание предположить, что российс-

кая идентификация наполнялась этническим содержанием, имеющиеся немалые негативные настроения заставляют вновь возвращаться к поискам цементирующей идеологии.

Хотя «89 % русских и столько же среди других национальностей считают, что «насилие в межнациональных и межрелигиозных спорах недопустимо», но 44 % одновременно считают, что насилие допустимо, если нарушается справедливость в отношении моего народа», и 41 % согласились с тем, что «все средства хороши для защиты интересов моего народа» [Дробижева Л.М., 2012. С. 65]. В этой связи большой интерес представляет то, что при указанных опросах выявляется то, что идей, ко-

- 20 Важно понимать и другие причины активности горского населения (и, разумеется, молодежи, как его передового отряда). Указанный автор в другой работе справедливо отмечает: «За двадцать лет в горах произошло опустынивание. Меняется этнический баланс. Двойственное маргинальное положение толкает переселенцев на крайности. В горах нужно обеспечить занятость. В советское время там работали и филиалы заводов, фабрики, и сельское хозяйство, — садоводство, скотоводство достаточно интенсивно развивалось. А развитие туризма — это уже второй этап. Когда есть реальная экономика, реальная занятость населения, можно создавать туристские комплексы» [<http://www.regnum.ru/news/1491219.html#ixzz2O0omVsQ5>] Этой мысли вторит С. Маркедонов: «Нужны не фантомные туристические сказки, а приземленные, привязанные к специфике территории и к нуждам местного населения экономические программы, правовое, а не «понятийное» решение поземельных проблем, создание современных механизмов адаптации внутренних мигрантов и системы межэтнической медиации» [<http://www.ekhokavkaza.com/content/article/24898158.html>].
- 21 «Российская газета» сообщает о том, что в легендарном городе на Неве Кавказцы не дают прохода девушкам, которых спасают не действия милиции, а платки, которые вынуждены приобретать русские петербурженки, чтобы сойти за мусульманок (РГ.28 февраля 2013 г. — Четверг. №44. — С. 26). Впрочем, настойчивые гости, правда, не с Кавказа, а из Центральной Азии начали переходить к «оригинальным» способам знакомства. В Москве 1 марта с.г. уроженец Таджикистана был задержан по подозрению в нападении на женщину. По словам 28-летней женщины, на Партизанской улице (!) к ней подошел молодой человек и предложил познакомиться. Получив отказ, юноша выстрелил женщине в ногу из пневматического пистолета. Любопытен электронный адрес публикации. Прочтите внимательно: <http://lenta.ru/news/2013/03/04/romantik/>.

торая могла бы вдохновить людей и сплотить их для общих целей, признана **«идея единения народов России в целях ее возрождения как великой державы» — 42%** Другие идеи — «правового государства», решения глобальных проблем человечества, объединения славянских народов и т. п. — более или менее явно проигрывали ей [Дробижева Л.М., 2012. С. 61]. Таким образом, упомянутая выше *идея «Единого Отечества», возникшая более двух столетий назад*, является наиболее востребованной в российском обществе.

Однако при всем том в Большой России не прослеживается по сути никаких реальных форм и способов сплачивания в «россиян», кроме праздников типа Дня национального единства. «Русское» пространство, при всей тяге к «Единому Отечеству», внутренне раздробленно и разрозненно. И никакая другая задача не стоит сейчас так актуально, как сплочение этого пространства, в том числе и для реализации такой ипостаси «российскости», как совместничество=соперничество. Ибо кавказское сообщество, которое в 2010 г. составляло 8445 тыс. чел., т.е. 5,9% населения страны [Цогоев В.Г., Кабисов М.Е., 2012. С. 53], является, при всей своей пестроте и неоднозначности внутренних отношений, весьма пассионарным, активным, наступательным во внутрироссийской жизни [Матишов, Батиев, Пащенко, Романов, 2011]. Конкурентные преимущества «кавказского типа» вполне очевидны. О них политолог М. Шевченко пишет так:

«Человеческие качества интернационального общекавказского пространства — пассионарность, готовность к «служению», приоритет традиционных ценностей (верховенство мужского начала в политике), высокий интеллектуальный и технологический уровень кавказских обществ, достигнутый в ходе советской модернизации — создают уникальный, не существую-

щий более ни в одной точке земного шара характер кавказского «человеческого материала» [kavpolit.com].

О нюансах «интеллектуального и технологического уровня» можно спорить (см. выше), но, несомненно, кавказцы, через сферу российскости, заимствовали немало из арсенала современной цивилизации для того, чтобы не «выпадать» из нее (компьютер, Интернет, мобильная связь, высокая оснащенность автотранспортом, и т. п.), добавив к этому то, о чем сказал М. Шевченко (а мы бы дополнили: высокую солидарность на земляческой, клановой, национальной, религиозной почве; стремление к доминированию в коллективе, социуме; приоритет семейных ценностей и эффективное решение демографических проблем; умение жестко противостоять «не своим», уважение к силе). Они представляют собой все тот же «вызов» современному российскому сообществу, особенно его русской части, который, вызревая постепенно в недрах страны во второй половине XIX–XX в., сегодня заявил о себе во всеуслышание, причем и далеко неделикатными способами²². И сно-

22 Этот вызов, как мы убедились выше, назревал давно. Вот как комментирует Ю.Ю. Карпов предчувствовавшего его дагестанского историка Гасана Алкадари: «Алкадари предложил краткий поэтический комментарий изменениям, произошедшим в судьбе дагестанцев после присоединения их к России. Если до этого было так: «...В десятом веке Гиджры (т.е. в XVI в. — Ю.К.) // **Вырвались лезгины на свободу**, потревожили весь свет. **Потирая тленный мир своей революцией** (каковы определения! — Ю.К.), // Рассыпались, как дикари, всюду проливая кровь: // Кто повел войска на Ширван, Гянджу и Ардебиль, // Кто вытоптал конницей Джары и Грузию...», то после окончательного присоединения к России «создался **контроль над справедливостью в народе** (тоже заслуживающая внимания формулировка. — Ю.К.), // **Для дагестанцев открылись двери** к просвещению... (и в целом из «своего мира». — Ю.К.) // И пусть они совершают поездки на пароходах и по железным дорогам» [Цит. по: Карпов Ю.Ю., 2007. С. 362. Прим. 78]. Что ж, Россия изменила мир дагестанцев, чеченцев, адыгов и других кавказцев, при этом деформировала и разрушила его, но дала им новый, более широкий и динамичный. Так нечего удивляться, что они

ва в этих процессах впереди кавказская молодежь²³. А.-Н.З. Дибиров вполне согласен с заключением Г.С. Денисовой и В.П. Улановой о том, что деятельность диаспор воспринимается со стороны как модернизированная и видоизмененная модель «набеговости». Причиной конфликтов на территории Большой России, по его мнению, служит «идеологический антураж отношения к чужакам — срабатывает эффект разжатой пружины, когда в родном селении сдерживаемые контролем общины, как стороне как бы идут вразброс (тут бы лучше подошло слово «вразнос». — *Авт.*) и позволяет недопустимое в родном месте» [Дибиров А.-Н.З., 2012. С. 51–52]²⁴. Интересную трактовку причин подобного поведения горской молодежи дают краснодарские политологи М.В. Савва и Е.В. Савва. Они правомерно говорят о быстром разрушении традиционных механизмов социального контроля в традиционалистских обществах Кавказа. Это разрушение ускоряется в ситуациях войны, когда не «работают» любые ограничения, кроме ограничения силы. Одновременно еще сильны представления о возможности аморального поведения в отношении чужаков. Возникла ситуация, когда значительная часть населения, не успев освободиться от проблем и стереотипов прошлого, стала заложником проблем современного мира. Народы Северного Кавказа получили большинство достижений модернизированного технологического общества в готовом виде, и стремительность процесса перехода сохранила архаичные нормы поведения и традиции [Савва М.В., Савва Е.В., 2012, с. 58].

А вот еще одно мнение, прозвучавшее, что примечательно, в прессе Дагестана:

«Немало кавказцев, попадающих в обезличенную городскую среду, пользуются всеми возможностями для того чтобы жить

по своим представлениям, игнорируя культуру совместного проживания, правила поведения, присущие жителям Москвы. Полубандитская социальная действительность кавказских республик переносится ими на новую почву, уже лишённую многих угроз личной безопасности и беззакония, где они предпочитают вести образ жизни «хищника», чтобы не стать «жертвой». Культ силы, низкий социальный статус интеллигенции, сниженный образовательный уровень рисует в их воображении москвичей как людей слабых физически и духовно, к которым они относятся презрительно. Нежелание увидеть мир глазами другого человека все дальше отодвигает этнорегиональные общности друг от друга» [<http://regnum.ru/news/1358458.html#1424884026>].

Впрочем, сложившуюся оценивая ситуацию в целом, некоторые политологи не просто стремятся объ-

- в нем появились! Им уже не скажешь: «Идите обратно!». Дело заключается в том, как научиться жить вместе, не нарушая ничьих прав и интересов.
- 23 Местом наиболее реального и, одновременно, уродливого проявления доминирования кавказской молодежи стала Российская армия. Служащих-кавказцев в ней 2%, но более половины контингента дисбатом составляют именно они. <http://www.liveinternet.ru/community/obladaet/post173388720/> Их «деятельность» там вплотную связана с таким явлением как дедовщина, причем в исполнении кавказцев она выглядит наиболее вызывающе [Матишов, Батиев, Пащенко, Романов, 2011. С. 29; <http://news.rambler.ru/9408344/>]. И что предприняло командование? Чтобы уменьшить преступность в войсках, генералы отказались от призыва из самых проблемных республик — Дагестана и Чечни! [<http://www.svpressa.ru/society/article/52135/>].
- 24 Что уж говорить о реакции вузовского профессора и руководителя, если сам Рамзан Кадыров возмущился поведением своих молодых земляков в регионах России. Глава республики призвал напоминать молодым людям о «народном этическом кодексе», который «обязывает истинного чеченца быть образцом поведения в любом обществе» [<http://news.rambler.ru/17114273/>; http://mn.ru/politics_regions/20120613/320471224.html].
- Впрочем, недавний эпизод на футбольном матче с участием главы Чечни в г. Грозном, говорит о том, что сильные эмоции порой мешают последовательно воплощать этические нормы в жизнь. Понять причины чеченской эйфории несложно. «Мы добились всего, за что боролись, — признает Умар, «бывший боевик». — Мы практически независимы, живем по законам ислама. А кто за это платит? Россия» [http://kavkaz-news.info/portal/cnid_210197/alias__Caucasus-Info/lang_en/tabid_2434/default.aspx]

яснить причины появления мигрантов из внутренней или внешней периферии России. Они подчеркивают принципиально новый характер совершающихся процессов. Вот только выдержки из высказываний С. Морозова:

«Российская политическая система плавно присоединяется к Кавказу и Средней Азии, под давлением необоримых демографических обстоятельств. Это — дрейф... Россия мутировала, и основой ее государственности является де-факто новый евразийский постсоветский народ... В строительном секторе задействованы миллионы людей, которых неточно называют «гастарбайтерами». Но многие из них уже долго живут в России или жили на ее окраинах всегда. В этих строительных бригадах рождается новый народ РФ. Иначе говоря, так называемое «нации-строительство» (nation building) идет в России полным ходом. Конечно, оно не идет в направлении «русского государства». По всей видимости, теперь это уже невозможно» [<http://1000inf.ru/news.aspx?id=14836>].

В этой трудной ситуации та часть россиян, которая осознанно и целенаправленно стремится сохранить свою русскую идентичность, должна «не терять себя» (вспомним слова песни А. Пахмутовой в знаковом исполнении А. Градского: «Чтоб тебя на земле не теряли, постарайся себя не терять!»). Это, разумеется, не призыв к противостоянию, и не дай Бог, насилию. Это призыв к реальной, действенной соревновательности [Дударев С.Л., 2011. С. 512]. Именно ее подъема мучительно боятся некоторые противники нашей научной школы, пряча свой страх за выпадами своих пасквилей:

«С абсолютной безответственностью виноградовская группа муссирует вопросы исторического прошлого кавказского казачества, пытаясь заразить массу современного русского населения Юга России духом состязательности и реванша» [http://chechenasso.ru/?page_id=1754].

Это и не удивительно. Только сплоченная группа сможет отстаивать свои интересы в условиях конкуренции с другой сплоченной группой.

В. Гулевич приводит интересные рассуждения о соотношении маскулинности и феминности и русских и народов Кавказа и объясняет существующие ныне проблемы в отношениях тех и других на основе гендерного фактора.

«Маскулинность начинает давить феминность, незащищённую силой государственной власти. Самый наглядный пример — чеченцы, которые всю свою историю живут без собственного государства. При сотрясании государственных основ России чеченцы больше руководствуются многовековыми принципами существования вне государства, но в его границах народные традиции абсолютизируются, ставятся выше государственных законов и т.д.. Вне рамок государства в выигрыше оказываются носители маскулинной культуры. В рамках государства — носители как феминной, так и маскулинной культуры» [[http:// www.kavkazoved.info/news/2013/01/09/russkie-i-kavkazcy-protivostojanie-ili-vzaimoobogashenie-kultur.htm](http://www.kavkazoved.info/news/2013/01/09/russkie-i-kavkazcy-protivostojanie-ili-vzaimoobogashenie-kultur.htm)].

Подобные подходы помогают расширить наши представления о подосновах конфликтов между двумя указанными сторонами. Но факт, что необходимо культивировать дух позитивной состязательности, который должен иметь своей целью реальное и цивилизованное (как хотелось бы надеяться) соперничество, а не паническое бегство от проблем, которые следуют за уезжающими по пятам, и найдут их где угодно, хотя бы и в Америке²⁵. Именно на развитие подобной состязательнос-

25 Правда, мы все чаще видим не желание отстаивать свою самобытность и интересы, а мимикрировать под новые культурно-цивилизационные реалии. Мы имеем в виду феномен русских шахидов. [http:// go.mail.ru/search?mailru=1&q=%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5+%D0%B2%D0%B0%D1%85%D1%85%D0%B0%D0%B1%D0%B8%D1%82%D1%8B](http://go.mail.ru/search?mailru=1&q=%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5+%D0%B2%D0%B0%D1%85%D1%85%D0%B0%D0%B1%D0%B8%D1%82%D1%8B)

ти, отстаивании своего достоинства и действительных ценностей говорят в сети Интернет и сами кавказцы (сохранен оригинальный стиль и пунктуация автора):

«Ребята, на Кавказе стараются держать свое мужское слово, и не позволяют унижать себя! А там правители назначены мелкими, а как назначают Вы сами видите и ощущаете на себе — много ли с Вами считаются! А с Востока идет сила (мусульманство) на смену распушенности, духовной слабости, слабоумия, и это не я говорю (Нострадамус) а Вы сами не видите! И бессмысленно навешивать ярлыки «баранов» все победы в истории идут от так называемых диких — Наполеон, Гитлер, Вьетнам, Куба, Римская империя, и т. д. и т. п. И только «дикие» побеждают, потому что культурные парятся в ночных клубах, жуют черную икру, развлекаются одним словом... Че то культурные не хотят идти в Армию, а кто туда идет Кавказцы! Так че Вы хотите, кто Вас защищает! *Смиритесь или предпринимайте, но не вражду! Защищайте свою свободу!* (курсив наш. — Авт.) Что-то защитников мало! А воевать грамоты много не нужно! А нужна смелость и отвага а здесь наука и прочая дребедень не нужна, да и Макдональдс не нужен!» [[http:// news.rambler.ru/7801994/](http://news.rambler.ru/7801994/)].

С другой стороны, и государство должно дать своим гражданам четкие культурно-идеологические ориентиры. Прав В. Гулевич, который отмечает:

«Кавказская культура будет рассматривать секулярный либерализм (идущий с Запада по всем каналам, в числе, телевизионным — Авт.) как угрозу своим маскулинным устоям, а русских — как носителей этой угрозы, как тех, кто отказался от своих корней и проповедует то же другим народам. Интеграция кавказских народов в российское общество должна происходить в рамках культурного взаимообогащения, путём приобщения кавказских народов к плодам русской культуры и знакомству русских с культурой Кавказа. Однако это сложный процесс, успех которого зависит от множества факторов, в т. ч., от степени востребованности культурного продукта в государстве. Пока же высокая культура, а не масс-культура, как её примитивный суррогат, вынесена за скобки и обвешана ярлыками «нерентабельно», «невыгодно», «не окупается». Если так будет продолжаться и далее, Кавказ бу-

дет отдаляться от России на культурно-психологическом уровне, и уход России отсюда можно будет считать, во многом, добровольным» [<http://www.kavkazoved.info/news/2013/01/09/russkie-ikavkazcy-protivostojanie-ili-vzaimoobogashenie-kultur.html>].

Крайне важен и четкий потестарный импульс сверху. Успех советской власти (пусть временный) был связан не только с идеями пролетарского интернационализма, коммунистической эсхатологии и мессианства, декларативной уравнительности, снимавшими межнациональные и социально-классовые противоречия, но и жесткой линией на подчинение центральной власти, борьбу с преступностью, отсутствием пропаганды насилия и, одновременно, жесткими (и жестокими) силовыми мерами по отношению как реально виноватым, так и невинным (чего стоят одни только трагедии сталинских депортаций, во время которых масса мирных людей пострадала из-за действий антисоветского подполья), и одновременными уступками национальным меньшинствам (политика «коренизации» кадров). Разумеется, опыт советской власти — мягко говоря, не панацея. Однако разгул уголовной преступности, коррупции, сепаратизма, экстремизма, радикальных религиозных идей, возрождение социальной архаики, начавшийся этнический передел страны (в националь-

<http://gruzdov.livejournal.com> <http://www.bigcaucasus.com/review/people/11-01-2013/82065-djihadrussiangirl-0//739357.html>.

Это, как ни парадоксально, извращенное стремление найти элементарное целеполагание и смысл жизни. Вообще, все чаще прослеживается русских перейти в ислам. Это объяснимо. Ислам дает чувство большей защищенности своим адептам, ощущение силы и единства. И хотя не в силе Бог, а в правде, обвальным рост житейских и иных перипетий, отсутствие уверенности в завтрашнем дне [АИФ Кубань. 2013. С. 13] подталкивает наших современников к поиску все новых опор, помогающих преодолевать обрушивающиеся на них невзгоды. См., например: Дмитрий и Оксана. Как мы пришли в ислам. 14.05.2013/<http://youtube.ru>.

ных субъектах Северном Кавказе он уже, фактически совершился) — все эти уродливые явления которые терзают Россию уже более 20-ти лет — следствие того, что в стране существует острый «дефицит державности», она утратила твердые властные основы²⁶, которые делали ее «империей»²⁷. Пока российская элита будет предаваться безумным наслаждениям и растратам, вывозя самолетами деньги за рубеж, и переводя их в оффшоры, обучая детей за рубежом, покупая там же особняки, футбольные команды, яхты размером с «Титаник», и т. п., а власть будет закрывать на все это глаза, убаюкивая народ разговорами о мифической «средней зарплате», неуклонное сползание страны в бездну будет продолжаться, а предоставленные сами себе россияне продолжат решать стоящие перед ними насущные проблемы теми способами, которые являются для них наиболее доступными: одни — доминировать и «править», другие, если не смогут перестроиться, станут подчиняться (большинство) либо бежать (меньшинство) туда, где уже полным ходом идут аналогичные процессы. В Лондоне замечены «шариатские патрули», которые принуждают англичан с банкой пива в руках, или в слишком короткой юбке, забредших на «территорию мусульман» в столице Великобритании (!!!), избавляться от аксессуаров, не соответствующих нормам «Дар-аль-Ислам»²⁸. Что дальше? Неужели власть и общество России допустят разрастание неконтролируемых процессов, которые все больше обретают необратимый характер, и грозят новой катастрофой, последствия которой превзойдут все, случившееся ранее²⁹. То ощущение тревоги, которое нарастает в стране, особенно в ее южных регионах, потрясающе точно и остроэмоционально передала российская поэтесса и ученый Ю.В. Артюхович.

ТЕМНЫЙ ВЕТЕР БЕДЫ

Рядом с нами стреляли.

Молились и плакали вдовы.

Рядом с нами болела зияющей раной война.

Темный ветер беды —

сумасшедший садовник —

- 26 На последней встрече в Давосе, результаты голосования среди участников форума показали: 78% собравшихся в Швейцарии политиков, ученых и финансистов считают, что России не хватает, в первую очередь, эффективного политического руководства. Увы, никаких убедительных доказательств того, что нынешнее руководство способно быть эффективным, российский премьер, представлявший страну на форуме, не представил. Скорее, наоборот [Медведев провалил миссию в Давосе // <http://news.rambler.ru/17323952/>].
- 27 Об этом пишут сами кавказские ученые. Упомянувшийся выше А.-Н.З. Дибиров высказывает сожаление о том, что «из русского этнического сознания постепенно выветривается дух «имперскости». Впервые за последние 450-500 лет русский этнос перестал воспринимать себя как носитель миссии. На протяжении веков русский этнос и его национальная элита видели свою миссию в собирании земель и народов на огромном евразийском пространстве. Это собирание шло поперек этнических и религиозных различий, без ущемления культурно-исторического своеобразия народов, входивших в состав русской державы на добровольной или насильственной основе. Самое главное, пассионарный дух русского народа заражал своей страстью и другие этносы. Происходило это не только через приобщение к историческому творчеству великой державы, но и через вовлечение этнических элит в имперскую элиту. Сегодня народы России остро ощущают дефицит державности, их не устраивает положение объектов истории, каковыми они сегодня стали, они ностальгируют по собственной исторической субъектности, которую они познали в составе Российской империи и Советского Союза. Отсюда проистекает и озбоченность народов России исчезновением духа «имперскости» из русского этнического сознания. Это вызов, на который необходимо найти адекватный ответ как со стороны русского этноса, так и со стороны других этносов России. Если вызов не будет облечен в соответствующие перемены, то впереди нас ждут большие потрясения. Дефицит «имперскости» в русском этническом сознании чреват далеко идущими последствиями как для Российского государства, так и для составляющих его народов». [Кавказ. Новое начало].
- 28 <http://news.rambler.ru/17250896/>; Коранованные особы. «Мусульманские патрули» вышли на улицы Лондона // Российская газета. 24 января 2013 — Четверг. № 14 (5990). — С. 14.
- 29 Ставрополье превращается в Косово: конфликты русских и мигрантов // www.mk.ru; Ставрополье превращается в Косово? // <http://forum.fstanitsa.ru/viewtopic.php?f=26&t=3470>.

ЛИТЕРАТУРА

Айларова С.А., Виноградов В.Б., 1987. Позднесредневековый хозяйственно-экономический комплекс у горцев Центрального Кавказа и его место в контексте русско-кавказских отношений докапиталистической эпохи (К постановке проблемы) // Археология и вопросы хозяйственно-экономической истории Северного Кавказа. — Грозный.

АИФ Кубань. 2013. Работаем на износ? А уверенности в завтрашнем дне нет // АИФ Кубань. — № 18.

АИФ. 2013. Кавказ закармлили? // АИФ. — № 4. — 2013.

АИФ. 2013а. В чём счастье? // АИФ. — № 18.

АИФ. 2013б. «Бываю идиотом». Аркадий Инин — о былых надеждах и блондинках // АИФ. — № 18.

Алкадари Г., 1926. Асари-Дагестан. — Махачкала.

Аутлева С.Ш., 1973. Адыгские историко-героические песни. — Нальчик.

Барретт Томас М., 2000. Линии неопределенности: северокавказский «фронт» России // Американская русистика: Вехи историографии последних лет. Императорский период: Антология / Сост. М. Дэвид-Фокс. — Самара.

Беннингсен А., 1994. Народное движение на Кавказе в XVIII в. («Священная война» шейха Мансура (1785–1791 гг.). Малоизвестный период и соперничество в русско-турецких отношениях). — Махачкала.

Виноградов В.Б., Умаров С.Ц., 1983. Вместе к великой цели. — Грозный. — 27 с.

Виноградов В.Б., Дударев С.Л., 2008. К вопросу о типологии и периодизации русско-вайнахских политических отношений // Сборник избранных статей Виталия Борисовича Виноградова (к 70-летию со дня рождения). — Армавир. — С. 218–221.

Виноградов Б.В., 2009. Интегративные проекты и дезинтегрирующие факторы в российско-северокавказских взаимоотношениях конца XVIII – начала XIX в. Монография. — Славянск-на-Кубани. — 138 с.

Виноградов Б.В., 2010. История российского Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в.: монография. — Славянск-на-Кубани: Изд. центр СГПИ. — 398 с.

Виноградов Б.В., Виноградов В.Б., Клычников Ю.Ю., 2012. Российская власть и горский традиционный уклад: очерки взаимодействия в конце XVIII – начале XXI в. — Славянск-на-Кубани: Изд. центр филиала Куб. ГУ. — 224 с.

Власенко И.С., 2011. Церковно-организационные и политические идеи кальвинизма и их реализация в контексте Швейцарс-

кой Реформации (30–50-е гг. XVI в.) / Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. — Ставрополь. — 29 с.

Гапуров Ш.А., 2006. Еще раз о горско-казацких набегах // Чеченская республика и чеченцы: история и современность: материалы Всероссийской научной конференции. — Москва, 19–22 июня 2005 года / Отв ред. Х.М. Ибрагимов, В.А. Тишков. — М.: Наука. — 575 с.

Гуревич А.Я., 1985. Глава 3. Аграрный строй варваров // История крестьянства в Европе. Т.1. — М.: Наука. — С. 90–136.

Гудаков В.В., 2007. Северо-Западный Кавказ в системе межэтнических отношений с древнейших времен до 60-х годов XIX века / В.В. Гудаков. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та. — 565 с.

Дегоев В.В., Ибрагимов Р.Ю., 2006. Северный Кавказ: постсоветские итоги как руководство к действию, или Повестка дня на вчера. — М.: Издательский дом «Империиум — XXI век».

Дегоев В.В., 2001. Имам Шамиль: пророк, властитель, воин. — М. — 374 с.

Джантуханов В.З., Джантуханова М.В., 2009. Гражданское общество и процесс становления государственности на Северо-Восточном Кавказе в период имамата // Геополитические интересы России на Кавказе: опыт реализации и проблемы. Материалы международной научно-практической конференции (23 апреля 2009 г.). — 490 с.

Дибиров А.-Н.З., 2012. Дагестан между Каспием и Кавказом: уроки истории и вызовы современности // Политическое общество, власть и демократия в России. Сборник статей. — М.—Махачкала. — С. 42–52.

Дибиров А.-Н.З., 2012а. Выступление на открытии конференции «Дагестан и дагестанцы: взгляд на себя» / Материалы Всероссийской научной конференции 8 ноября 2012. — Махачкала, ч. 1.

Дробижева Л.М., 2012. Государственно-гражданская идентичность и тенденции в межэтнических установках в республиках в общероссийском контексте // Политическое общество, власть и демократия в России. Сборник статей. — М.—Махачкала. — С. 52–65.

Дударев С.Л., 2008. Из истории идейного противостояния вокруг дореволюционной истории Чечено-Ингушетии в конце эпохи перестройки (часть 1) // История и культура народов Северного Кавказа. Сборник научных трудов. Вып. 9. — Пятигорск. — С. 179–196.

Дударев С.Л., 2008а. О новом опыте написания региональной истории (к выходу учебного пособия «Северный Кавказ в составе Российской империи» / Отв ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. — М.: Новое литературное обозрение, 2006. — 460 с.) // Научная мысль Кавказа. 4. — С. 64–69.

Дударев С.Л., 2011. Россия там, где русские // Сборник научных работ С.Л. Дударева. — М.: Илекса. — 558 с.

Дударев С.Л., 2012. Еще раз о российскости // Российская государственность в судьбах народов Северного Кавказа—IV. Материалы

региональной научно-практической конференции. Пятигорск, 18–20 ноября 2011 г. — Пятигорск: ПГЛУ. — С. 96–105.

Захаров В.А., Аршев А.Г., 2010. Кавказ после 08.08.08: старые игроки в новой расстановке сил. — М.: Квадрига. — 272 с.

Ибрагимбейли Х.М., 1989. Об извращениях в освещении народно-освободительной борьбы горцев Северо-Восточного Кавказа против царизма и местных феодалов // Народно-освободительное движение горцев Дагестана и Чечни в 20–50-х годах XIX в. Всесоюзная научная конференция 20–22 июня 1989 г. Тезисы докладов и сообщений. — Махачкала. — С. 17–19.

Карпов Ю.Ю., 2007. Взгляд на горцев. Взгляд с гор: Мировоззренческие аспекты культуры и социального опыта горцев Дагестана. — СПб.: Петербургское Востоковедение. — 656 с.

Кипкеева З.Б., 2006. Народы Северо-Западного Кавказа: миграции и расселение (60-е годы XVIII в. — 60-е годы XIX в.). — М.: Изд-во Ипполитова. — 360 с., ил.

Кипкеева З.Б., 2007. Народы Северо-Западного Кавказа и Центрального Кавказа: миграции и расселение в период их вхождения в состав Российской империи (60-е годы XVIII в. — 60-е годы XIX в.): Автореф. дисс. ... докт. ист. наук. — Ставрополь. — 46 с.

Кипкеева З.Б., 2008. Северный Кавказ в составе Российской империи: народы, миграции, территории. — Ставрополь: Изд-во СГУ. — 432 с.

Клычников Ю.Ю., Линец С.И., 2006. Северокавказский узел: особенности конфликт генного потенциала (исторические очерки). — Пятигорск: РИА-КМВ. — 211 с.

Клычников Ю.Ю., Цыбульникова А.А., 2011. «Так буйную вольность законы теснят...»: борьба российской государственности с хищничеством на Северном Кавказе (исторические очерки) / Под ред. и с предисл. В.Б. Виноградова. — Пятигорск, РИА КМВ. — 256 с.

Лазарян С.С., 2009. Воронцовский Кавказ. Исторические очерки. — Пятигорск: ГОУ ВПО ПГЛУ, РИА на КМВ. — 247 с.

Лапин В.В., 2008. Армия России в Кавказской войне XVIII–XIX вв. — СПб.: Европейский дом. — 400 с.

Лебедева Т.П., 2007. Гражданское общество // Политология: лексикон / Под ред. А.М. Соловьева. — М.: РОССПЭН. — 800 с.

Лики российскости, 2010. Лики российскости. Материалы научно-педагогических семинаров Кавказоведческой Школы В.Б. Виноградова. 2009–2010 гг. — Армавир. — 112 с.

Магомедов М.Б., 2009. Основы формирования и развития гражданского общества в имамате // Геополитические интересы России на Кавказе: опыт реализации и проблемы. Материалы международной научно-практической конференции (23 апреля 2009 г.) — Дербент. — 490 с.

Матвеев В.А., 2008. Российский универсализм и этнич-

ность на Северном Кавказе (вторая половина XIX – 1917 г.). — Ростов н/Д: Изд-во ЮФУ. — 240 с.

Матвеев В.А., 2006. Россия и Северный Кавказ: исторические особенности формирования государственного единства (вторая половина XIX – начало XX в.). — Ростов н/Д: Книга. — 256 с.

Матвеев В.А., 2010. Российская политика на Северном Кавказе во второй половине XIX – начале XX в. (управленческие аспекты). — Ростов н/Д: Омега-Принт. — 336 с.

Матвеев В.А., 2011. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.). — Ростов н/Д: ЮФУ. — 448 с.

Матвеев В.А., 2012. Российская универсалистская трансформация и сепаратизм на Северном Кавказе (вторая половина XIX в. – 1917 г.): историография, источники, методология. — Ростов-на-Дону: ЮФУ. — 192 с.

Матишов Г.Г., Батиев Л.В., Пащенко И.В., Романов И.В., 2011. Атлас социально-политических проблем, угроз и рисков Юга России. Том V. Специальный выпуск. Северный Кавказ: проблемы и перспективы развития. — Ростов н/Д: Изд-во ЮНЦ РАН. — 160 с.

Мусавев А., 2007. Шейх Мансур. — М.: Мол. Гвардия. — 304 с.

Основные этапы всемирной истории, 2009: учебное пособие / Под ред. В.Б. Виноградова и С.Л. Дударева. — Армавир: Графа. — 260 с.

Наниев А.Т., 2011. Миграция осетин. — Владикавказ. — 63 с.

Неусыхин А.И., 1974. Военные союзы германских племен около начала нашей эры // Неусыхин А.И. Проблемы европейского феодализма. Избранные труды — М.: Наука. — 537 с.

Ньюби Г., 2007. Краткая энциклопедия ислама. — М.: Фаир-пресс. — 384 с., ил.

Пылков О.С., 2011. Российская армия в трансформационных процессах на Северном Кавказе (конец XVIII – первая половина XIX в.) — Армавир. — 248 с.

Российская газета. 24 января 2013. — Четверг. — № 14.

Савва М.В., Савва Е.В., 2012. Современные межэтнические конфликты // Много народов — один край. Проект «Краеведческая культурная экспедиция». — Краснодар.

Северный Кавказ в составе Российской империи, 2006. Северный Кавказ в составе Российской империи / Отв ред. В.О. Бобровников, И.Л. Бабич. М.: Новое литературное обозрение. — 460 с.

Суций С.Я., 2010. Террористическое подполье на востоке Северного Кавказа (Чечня, Дагестан, Ингушетия). — Ростов-на-Дону: ЮНЦ РАН. — 218 с.

Урушадзе А.Т., 2010. Имамат Шамиля и танзимат Османской империи — два типа модернизации // Былые годы. — № 4. — С. 10–12.

Хасиев С.-М.Э., 1982. Институт уваживания чеченцев (по материалам 2-й половины XIX – начала XX в.) // Семейно-бытовая обрядность вайнахов. — Грозный.

Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи, 1941. Хроника Мухаммеда Тахира аль-Карахи. О дагестанских войнах в период Шамиля / Пер. А. Барабанова. — М.—Л.

Цогоев В.Г., Кабисов М.Е., 2012. — Численность и размещение населения Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. — Нальчик. — 55 с.

Цыбулькинова А.А., 2012. Казачки Кубани в конце XVIII – середины XIX в.: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Монография, Армавир. — 236 с.

Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани, 2013. Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани. Учебно-методическое пособие для учителей общеобразовательных учреждений Краснодарского края. — Армавир: РИО АГПА. — 120 с.

Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани, 2013а. Этническая толерантность и межнациональный мир на Кубани. Учебное пособие для учащихся 10–11 классов общеобразовательных учреждений Краснодарского края. Изд. 4-е, перераб. и доп. — Армавир: РИО АГПА. — 320 с.

Интернет-ресурсы

Трошев Г.Н. Моя война. Чеченский дневник окопного генерала // <http://militera.lib.ru/memo/russian/troshev/05.html#>

http://chechenasso.ru/?page_id=1754 http://news.rambler.ru/18039934/?utm_source=regnum&utm_medium=tiser&utm_campaign=main

<http://go.mail.ru/search?mailru=1&q=%D1%80%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5+%D0%B2%D0%B0%D1%85%D1%85%D0%B0%D0%B1%D0%B8%D1%82%D1%8B>

<http://gruzdov.livejournal.com>

<http://www.bigcaucasus.com/review/people/11-01-2013/82065-djihadrussiangirl-0//739357.html>

<http://news.rambler.ru/17114273/>

kavpolit.com

<http://www.liveinternet.ru/community/obladaet/post/173388720/>

<http://lenta.ru/news/2013/03/04/romantik/>

<http://news.rambler.ru/12123403/Ю>

<http://mama.ru/static/view/id/672>

<http://news.rambler.ru/17250896/>

<http://news.rambler.ru/17323952/>

http://www.portal21.ru/news/caucasus_reloading.php

<http://www.svpressa.ru/society/article/52135/>

<http://www.fssb.su/strategic-safety/>

<http://www.regnum.ru/news/1491219.html#ixzz2OoomVsQ5>
<http://www.ekhokavkaza.com/content/article/24898158.html>
<http://1000inf.ru/news.aspx?id=14836>
<http://forum.fstanitsa.ru/viewtopic.php?f=26&t=3470>
www.mk.ru
<http://svpressa.ru/society/article/58246/>
<http://regnum.ru/news/1358458.html#1424884026>
<http://news.rambler.ru/7801994/>
<http://news.rambler.ru/9408344/>.
http://kavkaz-news.info/portal/cnid_210197/alias__Caucasus-Info/lang__en/tabid__2434/default.aspx
http://mn.ru/politics_regions/20120613/320471224.html
<http://bs-kavkaz.org/2011/10/chechnja-ne-bahrejna-luchshe-bahrejna/>
<http://www.kavkazoved.info/news/2013/01/09/russkie-i-kavkazcy-protivostojanie-ili-vzaimoobogaschenie-kultur.html>

СО Д Е Р Ж А Н И Е

	ВВЕДЕНИЕ	5
Глава 1.	Большая Россия и народы Северного Кавказа в конце XVIII – середине XIX в.: специфика интеграции и причины конфликта	8
Глава 2.	Особенности интеграции горцев в социально-политическое поле России во второй половине XIX – начале XXI века. Миграция с Северного Кавказа в Большую Россию: вызов новых поколений	29
	ЛИТЕРАТУРА	50

Оригинал макет подготовлен в издательстве «Товарищ»,
г. Ставрополь, ул. Пирогова, 48. Тел. 90-22-53.

Подписано в печать 20.05.2013. Формат 84 x 108 1/32.
Гарнитура Georgia. Бумага 70 г.
Усл. печ. л. 2,94. Тираж 300 экз.